

ЕЛЕНА КЛИМЕНКО УТРО МАРКИЗЫ

Орден куртуазных маньеристов презентовал в конце минувшего/начале нынешнего годов очередной сборник сладчайших поэм "Красная книга Маркизы" (см. Хронотоп "Цирка "Олимп" №3). Не только этому неординарному событию, но и "маньеризму как миропониманию" в контексте случившегося посвящено эссе Елены Клименко.

...Сырёе поэта, как и прежде, -
Двуногих тварей миллионы.
Так пей, мой друг, в слепой надежде!
Мы все глядим в Пигмалионы!

Дмитрий Быков,
Командор ОКМ
Из цикла "Декларация независимости"

...Ах, оставим в покое все ручейки ассоциаций с "Нау" и прочие ракушечные измышления. "Утро Маркизы" вовсе не "Утро Полины" и, вообще, не утро. А... вечер. Который скромно, блюда дистанцию (поэт - чернь, писатель - читатель, актёр - зритель) стартовал в ЦДЛ 22 декабря, а потом, фуршетствуя, переместился 6 января на первый этаж ресторана "Прага". В лапы продолжателя традиций литературных кафе: от "Бродячей собаки" к "Чёрному коту". (Прим. Автор выбирает между собакой и кошкой, между литературой и кафе, а потому не удосужилась приватно побеседовать с январским котом).

- Не велика потеря, - сказала Маркиза. - Дорогуша! Всё было по Бунину. Сидели мрачные господа и лопали пирожки по 100 целковых... Да, ещё в такую ночь! И не церковь, не кабак... вот именно! Ничего нового: кот - чёрный, книга - красная, маньеристы, разумеется, куртуазные, а двора, разумеется, нет... Зачем мы прогнали г-на Рубинского и убили государя императора.

Ма Маркиза, осиянная строками классиков куртуазного маньеризма, выразила Ордену глубочайшую признательность: "Все мы бражники здесь и блудницы..." и смылась, умыкнув и "Красную книгу" (50 тыс. рублей - и то только для лучших друзей или их вдов).

Далее - чернелся Кот. Он бежал вслед Маркизе на тонких эротических ножках (да, простят невольную цитату Абрам Терц вкупе с Марией Васильевной Розановой и "Синтаксисом" впридачу). "Надо быть самодостаточным человеком", - ворковал Кот почему-то глубоким контрольно г-жи Розановой. "И самодостаточным котом!" - бросила, уходя, Маркиза.

"Отруби, которые я ем, растут только во Франции", - невзначай посетовала Мария Васильевна. - "Хорошо, что у гениев не бывает детей!" - ответил Терц-Синявский. "Мне почему-то кажется, - вмешалась Маркиза, - что на свете всего три французенки - Жанна д'Арк, Марсельеза и..., простите, я..."

К чёрту - отруби, пирожки, осетрину с её очередной свежестью, бычьи хвосты в невинном соусе. Согну книгу, краснея, открывает Вадим Степанцов, смущаясь вне "Бахыта-компота". Вскормленный, вынужденный конопатой шлюхой пионервожатой ("Пьяная! Помятая!... Милая моя, солнышко лесное, где!?) Вадим-маньерист тем не менее смахивает на сухофрукт - в костюме Пажа Маркизы. Каково: в рождественскую ночь бражнику с блудницей возложить венки на могилу всемирной литературы (подзаголовок книги). Впрочем, всё не столь безысходно - ведь песочные часы можно без конца переворачивать...
Лето, пионерлагерь, оторвали стрекозе крыльшки, лапки, хвостик и - схоронили. Между горнистом и барабанщицей. Между Дафнисом и Хлоей. Сплав жестокой похоти и алого ситца.

Игра в песочек. В большую литературу, в большую любовь (Женщина одна и ОБЩАЯ - Маркиза. Но Маркиза не собственность. Собственность - только слово о ней). В большой смысл, который легко проваливается в пропасть, где хрупкую бабочку чувства топчет всеядный верблюд эстетики:

И жизнь предстала перед вами
Как нарумяненный мертвец
Андрей Добрынин,
Великий приор ОКМ

Маркиза - то Мадонна (рафаэлевская, не леонардовская), то барышня-крестьянка в лугах растления, всегда нимфетка, почти всегда девочка дебильная. Палитра возможностей деградировавшей Музы - от вольных деревенских лугов, от лаского полумрака будуара, к вспомогательному тлению, к вросшему в

дерьмо сортиру:

Качаясь, ты к помойке шла,
Открыв в улыбке шесть зубов,
И враз мне сердце обожгла
Непобедимая любовь...
Соединила нег нас
В котельной, в сломанном котле...
А.Д.

Оставим непобедимость - она для красного словца. Котельная - место, как известно, культовое: уголь, пылающий огнём, что живёт по законам иным. Девочке дебильной умирать легко (трудно - нагибаться). В дымке куртуазной иллюзии-просьбы о любви она оставляет всё маньеристу. Праздник разницы в летах - как повод, чтобы ласкать и карябать, удостаивая розу белую чёрной жабы, вскармливая хлябь вины за былой утренник в обе щеки. За нарумяненного мертвеца Маркизу-Жизнь.

Трещит калейдоскоп. Кривые зеркала, круговая порука пародии - Блок, Розанов, Вертинский. Электрический сон наяву погружается, ах, кабы в кабак... Нет! В угрюмый бункер сладострастья:

И что любовь - не только счастье:
Под ней таится иногда
Угрюмый бункер сладострастья,
где исчезают без следа.
А.Д.

Из отшумевшей кружевной пены мёртворождённых виршей угрюмо смотрит животное жизнелюбие, присосавшееся к "бедру смеющейся Венеры". Мужской приговор сильнее и однозначней:

Другую буду похмелять
Одеколоном я с утра -
Ведь мне нужна не просто блядь,
А друг, соратник и сестра.
А.Д.

Пьяная, помятая Вечная Женственность идёт на растление, ибо это - единственная возможность существования идеала в пространстве и времени, в динамике. Прекрасная Дама взгромоздилась на гинекологическое кресло ("Sainte prostituee!" - шепчет куртуазный гинеколог В.В.Розанов). Незнакомка бесплодна. Как и не осквернённая римлянами, не обесточенная Ника.

Не в упрёк Вольдемару Набокову, послушница Ордена никогда не исторгнет план Лолиты-Ярославны:

С цветов в волосах, со шляпкою в руке
Бежит в луга дитя беспечной новой эры!
Великий Магистра ОКМ
Вадим Степанцов

О, проклятие макияжу и упоение КАЖДЫМ именем в строке Судьбы (ещё один кирпич в стене!): Татьяна, Аэлита, Ксения, Элен, Диана, Надин, Валерия... Персонификация - тяжёлый крест узнавания, прозрения, присвоения. А пока сердечный балаганчик неустанно качает отжатую клякву с поляны острых ощущений Амуру, и природе претит понятие "супруг" ("Ставьте на чёрное!" - визжали Кот и Маркиза. "Я ставлю на Природу!" - галантно ответил архикардинал ОКМ Виктор Пеленягрэ):

...цветок - не овощ в огороде,
ему для жизни нужен луг

И как же нужно любить женщину, чтобы из прозябания в вакханалии, содрогаясь от бешенства риска, произнеть:

О, как вы напоминали суку
Этим поворотом головы...
В.С.

Все грехи маньеризма, кои приписывает ему ЛЭС (нарочито сниженный слог, словесная эквилибристика, пристрастие к оксюморонам, антитезам, гиперболе и гротеску, парадоксальная заострённость поэтических формул и т.д.) ничто по сравнению с этим признанием-выдохом, ясным стоном ЖИВОЙ МУКИ.

К слову, послушница Ордена... лысая. "Ходят девы, сторонясь веселья, с выскобленной голой головой..." От столь тонкой, изощренной страсти лысой девочкой стало бы дурно и датскому принцу. Ведь девочка играет на той же флейте, и все потуги френологии (учения о связи внешних форм черепа с моральными качествами его обладателя)

бессмысленны. Принц уже предпочёл дальнейшее лобзанье:

В мире нет сильнее наслажденья,
чем улечься с девушкой в кровать,
и всю ночь, дрожа от возбужденье,
Голой череп пылко целовать...
В.С.

В данном сюжете безупречно голый девичий череп плачет только одну мысль: "Вся философия (читай, Искусство) мира мне не заменит любимого/ою". За ночь одуванчик обрастает: "...Я сын эфира, я человек из НИОТКУДА..." И в НИКУДА - "в поток издёрганного люда". В крик по вчерашнему ангелу: "Ольга! Ты слышишь? О, как мне хотелось излиться, // Но у подъезда меня стерегут кредиторы". Кредиторы и оплатят: ледяной рукой на "юный жар первобытных сердец": "Ты уже классик, мой друг, // Время дозировать секс..." Размер дозы соответствует бесплодности слога уважаемого Ордена. Закат пафоса, проводы мужества Игры. Утро Маркизы. Попытка переписать науку страсти нежной запинается об обломки куртуазных мельниц:

Но, всем, пытавшимся играть моею честью
Я буду сам судьёй, кюре и палачом...
А.Д.

Лукавится Виктор Пеленягрэ - архикардинал ОКМ с мундштуком а ля г-жа Лятуринская. Дым отечества смешивается с "тяжёлым запахом похоти и смерти, живущем в душах нежных волокит".

Шофёр - мулат, мой верный Майк,
Придурковат, но симпатичен:
Мы оба курим "Lucky Strike"
Поскольку я демократичен.
Я вновь задам ему вопрос:
"Ты знал ли чувство, дурачина?"
И скажет он: "Все, бабы, босс,
не стоят доброй стопки джина".
А.Д.

Это самый невинный способ оплатить предназначенное историей (в том числе и историей эстетического вкуса) банкротство литературы. "Я речист, куртуазен, богат..." - шепнёт Вадим Степанцов, утопая в божественном компоте. Это гремящая смесь реминисценций, столь густая, что автор захлёбывается ею. Это оплеуха расслабленным христианством мудакам и добролюбовым всех времён ("Как женщину, он родину любил..." Бедный! Зачем же так!) Это попытка благополучно избежать кошмара душевного здоровья.

Но именно так трещат шпаги над головами последних рыцарей. Они избежат Сибири, вдыхая смрадные испарения гофмановского золотого горшка. Аристократическая оппозиция, вновь расслышавшая звон, некогда почивший на устах мадам-товарища Коллонтай, мечты об Эросе-крылатом.

"Уединённая беседка XVIII века стоит гораздо большего внимания, чем национальный доход" (см. Манифест ОКМ). ЛЭС сводит этот пафос к порождению "эпохи социально-политической, нравственной, религиозной неустойчивости, когда происходит осознание относительности понятий, представлений и идеалов во всех областях жизни, а ускоренное развитие буржуазных отношений влечёт за собой отчуждение и индивидуализм." Вопреки плену дефиниций, "пленники Афродиты" умеют быть дерзновенно честными и исполнять в срок свои эфемерно-пенистые клятвы: "Мы создадим бесконечную галерею дам, достойных самого нежного и неистового поклонения... Если Бог есть, то он непременно Женщина, Афродита, ежедневно и еженощно сверзающаяся с Олимпийских высот в пучину греха и восстающая оттуда столь же чистой, юной и непорочной, каковой была и накануне, и в день своего розовопенного появления на свет, в день, когда первый луч Аполлона-Гелия пронзил её девственное лоно".

Утро Маркизы. Снег, вяло липнущий к бокам уставшей музыки. Не осквернённая, не обесточенная Ника.